
РАКУРС: ДОСТИЖЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ В ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЛАСТЯХ ПОЛИТОЛОГИИ

О.Г. ХАРИТОНОВА

ЧТО МЫ ЗНАЕМ И НЕ ЗНАЕМ О ПЕРЕВОРОТЕ КАК СПОСОБЕ СМЕНЫ РЕЖИМА?¹

Политические режимы могут меняться вследствие гражданских войн и повстанческих действий, переворотов, революций, реформ (включая демократизацию и дедемократизацию) и действий внешних акторов. В течение длительного времени перевороты были главным инструментом смещения диктатора, поэтому их приравнивали к регулярной смене власти в авторитарном режиме, который не предоставляет других возможностей для замены лидера. Перевороты – наиболее изученный тип режимных изменений, так как они происходили очень часто и во всех регионах мира.

Политологи, занимающиеся политическими режимами, интересуются влиянием попыток переворота на выживаемость авторитарных лидеров и прогнозируют вероятность распада режима через анализ риска переворотов. Исследователей протестных движений интересуют динамика политических процессов и связь между попытками переворотов и гражданскими войнами, революциями и конфликтами. Перевороты могут быть следствием и катализатором гражданских конфликтов, провоцировать нестабильность и нарушать основы государственной состоятельности,

¹ Статья написана в рамках проекта «Transit versus transformation: comparing paths to democratic change in the former USSR using case study based evidence from civil society, international aid and domestic politics» (PIRSES-GA-2011–295232).

поэтому в исследованиях стабильности попытки переворота становятся ключевым индикатором политической нестабильности. Транзитологи изучают перевороты, которые, с одной стороны, приводят к демократизации, а с другой – останавливают процесс транзита. Международники изучают роль внешних акторов при попытках переворотов.

В данной статье анализируется уровень научного знания о переворотах, о связи между политическими режимами и переворотами, о факторах, увеличивающих риск переворота, о влиянии попыток переворотов на демократизацию.

Проблемы изучения переворотов

Несмотря на большой интерес и огромное число исследований, ученые так и не смогли решить проблемы концептуализации и операционализации переворотов. В 1970 г. Уэлч утверждал, что переворот – отчетливое событие, которое легко датировать и в случае успеха легко документировать [цит по: Powell, Thyne, 2011, p. 249], но на этом легкость изучения переворотов заканчивается.

Пауэлл и Тайн проанализировали 14 имеющихся баз переворотов и продемонстрировали разные подходы к концептуализации: разные цели (только лидер или вся элита), участники (только армия или часть действующего правительства), разные стратегии, неодинаковый уровень насилия и разный результат [ibid, p. 250]. Они сделали вывод об отсутствии согласованного определения переворотов, позволяющего отличить перевороты от других способов смены власти. Пауэлл и Тайн определяют перевороты как «нелегальную попытку военных и других элит свергнуть действующего лидера» [ibid, P. 252]. Это определение содержит цель (лидер режима), состав участников (члены элиты, государственный аппарат, обычно армия) и способ (нелегальный), что позволяет отделить перевороты от других способов смен режима – революций, гражданских войн, протестных движений, внешних интервенций, автопереворотов и политических убийств. Автор классического пособия по проведению переворотов Люттвак писал, что для осуществления переворота нужно привлечь небольшую, но критическую часть государственного аппарата, достаточную для смеще-

ния правительства, и не требуется ни участия масс, ни широкого участия армии [Luttwak, 1968, p. 11–12].

По результату перевороты имеют много общего с восстаниями, причем перевороты могут перерасти в восстания, поэтому некоторые авторы включают в список переворотов и повстанческие действия «снизу» [Marinov], что размывает содержание переворотов. В своих исследованиях Н. Маринов анализирует только успешные смены власти, соответствующие двум критериям – неконституционности и использованию силы, поэтому акторами могут быть и повстанческие лидеры, не имеющие отношения ни к действующему правительству, ни к армии [Marinov, 2012].

Чтобы отличить перевороты от революций, некоторые авторы добавляют признаки, относящиеся к тактике проведения переворотов, так как главными преимуществами переворота по сравнению с другими способами свержения режима считается скорость¹, внезапность и минимальное применение насилия [O'Kane, 1981; McGowan, Johnson, 2003; Kebshul, 1994]. Некоторые авторы даже говорят о переворотах как о самом мирном и эффективном способе смены режима [Powell, Thyne, 2011; McGowan, Johnson, 2003; Kebshul, 1994]. Однако если ранжировать перевороты по уровню насилия (отсутствие, случайно, значительно, гражданская война), перевороты распределяются следующим образом: 63, 18, 13 и 6% [Zimmerman, 1979], что свидетельствует о мирном характере только части переворотов. Поэтому если число жертв в перевороте превышает 25 и 1000 (с двух сторон), они часто оказываются в базах вооруженных конфликтов (база Уппсальского университета) и гражданских войн (проект Корреляты войны), соответственно.

Еще одна концептуальная проблема – разграничение между успешными и неуспешными переворотами. Так как целью переворота является смена действующего режима, успешным будет переворот, приведшей к достижению этой цели. Успех переворота не определяется ни свержением авторитарного режима, ни установлением демократии, хотя ряд авторов различают недемократические (ведущие к установлению нового авторитаризма) и демократические (ведущие к демократии) перевороты [Varol]. Характеризуя перево-

¹ Через 48 часов обычно заканчивается успехом или провалом организаторов [Kebshul, 1994, p. 566].

роты, Люттвак писал, что они не требуют никакой политической ориентации и не предполагают определенной политики после осуществления [Luttwak, 1968, p. 11–12].

Успешным вслед за У. Томпсоном принято считать переворот, после которого новый режим удержал власть минимум неделю [Kebshul, 1994, p. 567], даже если на восьмой день они их свергают в ходе контрпереворота или интервенции. Большинство исследователей следуют семидневному критерию, однако в базе М. Маршалла этот период продлен до одного месяца [Marshall, 2013]. Неуспешными, следовательно, считаются начавшиеся перевороты, в которых военным не удалось продержаться одну неделю (или один месяц у М. Маршалла).

Успешный переворот может привести только к смене лидера и высшего эшелона власти и сохранить действующий авторитарный режим, а после неуспешного переворота могут последовать отставка лидера и системная трансформация. Причины, вызвавшие попытки переворота, независимо от результата могут быть одинаковыми, поэтому неуспешные перевороты не менее важны для изучения динамики политических процессов. Большинство исследователей рассматривают только успешные перевороты, так как сложно изучать неуспешные перевороты в авторитарных режимах: если организаторам не удалось покинуть страну, их ждут репрессии, поэтому исследователям придется анализировать одностороннее видение переворота действующим режимом. По меньшей мере половина переворотов (50,4%) заканчивалась неудачей в период с 1950 по 2009 г., причем после «холодной войны» число неудачных переворотом значительно превысило число удачных: только в период с 1990 по 1992 г. Кебшул насчитал 38 попыток переворотов, 12 удачных и 26 неудачных [Kebshul, 1994, p. 569].

Еще один неизученный сегмент явления относится к заговорам, которые не приводят к попытке переворота. Раскрытые заговоры или предотвращенные перевороты не относятся к неуспешным переворотам, и их редко изучают. В базе Маршалла в период с 1946 по 2013 г. было 201 успешный переворот, 322 неуспешных переворота, 142 раскрытых заговора и 33 случая обвинений в подготовке переворота [Marshall, 2013]. Заговоры в авторитарных режимах изучать еще сложнее, чем неуспешные перевороты. Во-первых, на основе официальной прессы сложно отличить ре-

альный заговор от вымышленного, направленного на устранение нелояльных членов элиты. Во-вторых, в интересах авторитарного режима будет сокрытие даже реального заговора и неуспешной попытки переворота, так как любое свидетельство раскола режима может поставить под сомнение его легитимность (подробнее о неуспешных переворотах см.: [Kebshul, 1994]). Таким образом, исследователи вынуждены изучать предпосылки успешных и неуспешных переворотов и тактику успешных, тем самым уменьшается число релевантных наблюдений. Это меняет исследовательские вопросы.

Как отметила Розмари О'Кейн, главный вопрос – не почему происходят успешные перевороты (глупцы могут организовать их в любое время), а при каких условиях попытки будут успешными. Для этого нужно анализировать не только успешные, но и подлинные (соответствующие критериям), но неуспешные перевороты [O'Kane, 1981]. Проблема заключается в выделении таких «подлинных» попыток.

Структурные факторы переворотов

Среди глобальных и региональных сравнительных исследований переворотов преобладает структурный подход, в рамках которого рассматриваются различные предпосылки, факторы и условия, которые способствуют попыткам переворота. Структуралисты выявляют причинно-следственные связи между социальными, экономическими и иными контекстуальными переменными и риском переворотов. Такие связи понимаются как структурные предпосылки переворотов, обусловленные влиянием определенных структур, а не намерениями и действиями акторов. Статистическая значимость становится главным критерием для оценки влияния независимых переменных, в основном социально-экономических благодаря простой операционализации. Результатом количественных исследований обычно становится набор объективных социально-экономических условий, делающих вероятным перевороты. Однако структурный подход исключает индивидуальные и коллективные мотивы акторов, которые могут использовать структурный потенциал и осуществить переворот.

Как писала О'Кейн, «переворот – не романтическое событие, а радикальный ответ на нестабильную и часто безысходную экономическую ситуацию» [O'Kane, 308]. Нестабильность и безысходность являются следствием нелегитимности и / или неэффективности действующего режима [Londregan, Poole, 1990; Belkin, Schofer, 2003; Powell, Thyne, 2011, 2015], а переворот становится одним из способов смены такого режима. Условиями, способствующими переворотам вследствие дестабилизации и подрыва легитимности правящего режима, по мнению Люттвак, являются затяжной экономический кризис, длительные неуспешные военные действия или поражение в войне и хроническая нестабильность [Luttwak, 1968, p. 17]. Легитимность режима (в широком понимании – как поддержка режима обществом) может быть следствием прихода к власти принятым в обществе способом, выигрыша в войне, в том числе в гражданской, длительного существования, делающего режим «естественным порядком» в глазах населения, и ответа на устремления населения. Таким образом, легитимность является результатом взаимодействия общественных потребностей и ответа на них со стороны государства. Однако правительство может целенаправленно легитимизировать режим только в глазах армии и добиваться ее лояльности [Collier, Hoeffler, 2005], что должно стать гарантией от попыток переворотов со стороны армии.

Большинство исследователей начинают с проверки модернизационных гипотез о связи риска переворотов, доходов и экономического роста. Еще С. Хантингтон утверждал, что «современность порождает стабильность, а модернизация порождает нестабильность» [Huntington, 1968, p. 41], и перевороты чаще происходили, когда ухудшались экономические условия, чем в годы роста доходов [Huntington, 1968, p. 56]. Лондриген и Пул эмпирически показали, что перевороты (проявление нестабильности) негативно связаны и с уровнем дохода (компонент современности), и с темпами экономического роста (компонент модернизации). В бедных странах перевороты происходят в 21 раз чаще, чем в богатых¹. По их мнению, даже у авторитарных режимов есть стимулы для достижения экономического роста, причем главным стимулом будет не

¹ Они исследовали 121 страну в период с 1950 по 1982 г.

забота о благополучии граждан, а стремление избежать свержения [Londregan, Poole, 1990].

Еще одно структурное условие, вызывающее конфликты и рост массовых требований «снизу» и как результат приводящее к переворотам, – экономическое неравенство. В исследовании М. Своллика уровень экономического неравенства сначала увеличивает, а потом уменьшает вероятность военного вмешательства (в форме обратного U-изгиба) [Svolik, 2012, ch. 11].

Кольер и Хоффлер изучили стимулы для насильственной смены режима и продемонстрировали, что мотивы алчности и лишений, свойственные акторам бунтов и гражданских войн, имеются и у организаторов переворотов, причем ограничителей у последних будет намного меньше [Collier, Hoeffler, 2004, 2005]. Лишения могут иметь экономический, политический и социальный характер и связаны с исключением определенных групп населения, поэтому лишения приводят к восстаниям и гражданским конфликтам. В случае переворота армия будет артикулировать идеи либо достижения общего блага (свержение неэффективного коррумпированного правителя), либо блага для армии¹. Мотивы алчности армии усиливаются, так как после успешного переворота новый лидер получит доступ не только к ресурсной ренте и внешней помощи, но и ко всему бюджету страны [Collier, Hoeffler, 2005].

Итак, определенные структурные факторы (неравенство, экономические проблемы) вызывают требования к разрушению снизу, и перевороты являются следствием роста массовых протестных настроений. Условия для переворотов можно найти в преимущественно бедных сырьевых странах [O'Kane, 1981]. В модели О'Кейн успешный переворот связан с бедностью, экспортной специализацией, зависимостью от доходов от экспорта [ibid]. М. Росс, изучая причинно-следственные механизмы связи «нефть – авторитаризм», выделял три эффекта: эффект рантье, эффект репрессий и эффект модернизации. Эффект репрессий означает, что ресурсообеспеченность позволяла действующему лидеру увеличивать расходы на поддержание внутренней безопасности страны и блокиро-

¹ По мнению Кольера и Хоффлера, идеи общего блага вызывают проблему безбилетника, а проблемы армии не волнуют граждан, поэтому такие мотивы будут отсутствовать в восстаниях [Collier, Hoeffler, 2005].

вать протестные устремления населения [Ross, 2001]. Это обеспечивало стабильность диктатуры. Однако ресурсное богатство также мотивирует оппозиционные группы, в том числе армию, на силовой захват власти, включая перевороты [Acemoglu, 2010]. Из-за разнонаправленного влияния исследователи не находят устойчивой связи между нефтяным богатством и попытками переворотов, хотя некоторые исследования показывает противоположное влияние местонахождения добычи нефти (офшор или материковая часть) на связь между нефтью и попытками переворотов [Nordvik, 2014].

Методологически структурные исследования представляются корректными, так как большое число переворотов в XX в. позволяет исследователям избежать проблемы «слишком много переменных, слишком мало казусов». Однако сложности в концептуализации и операционализации переворотов, в определении успешных и неуспешных переворотов и использование разных данных делают результаты исследований несравнимыми между собой. По мнению Кинга и Зенга, такие популярные статистические методы, как логистическая регрессия, могут недооценить вероятность редких событий [King, Zeng, 2001, p. 138]. Несмотря на большое число переворотов, перевороты являются редкими событиями: так, в базе Маршалла на 9129 наблюдений приходится 322 попытки переворотов [Marshall, 2013]. Махони и Герц считают, что для достижения лучших результатов (при изучении редких событий) необходимо использовать принцип возможности, и включить в исследование казусы, релевантные по значению хотя бы одной независимой переменной, и исключить казусы, которые имеют значение переменной, которое делает исследуемый результат невозможным. Такой метод позволит увеличить число наблюдений, отделить негативные наблюдения (в которых редкое событие теоретически могло бы произойти) от иррелевантных и, возможно, прийти к более достоверным результатам [Mahoney, Goertz, 2004, p. 657]. С целью преодоления проблем количественных исследований некоторые авторы используют новый сравнительный метод – качественный (конфигурационный) сравнительный анализ (QCA), позволяющий выделить сочетания необходимых и достаточных условий военных переворотов. Однако пока результаты анализа выделяют уже известные конфигурации социально-экономических факторов [Arugay, 2011].

Процедурные факторы переворотов

Представители процедурного подхода объясняют перевороты через мотивы и возможности ключевых акторов и стратегию проведения переворотов независимо от контекста. В результате они фокусируются на объяснении отдельных казусов либо сравнении нескольких казусов региона, что придает их исследованиям описательный характер.

Действительно, структурные условия часто являются всего лишь пусковыми механизмами для попыток переворота, а режимам удается пережить эти попытки не из-за отсутствия условий, а благодаря лояльности армии диктатору. Организаторы переворота могут нарушить predeterminedенную контекстом логику развития или потерпеть неудачу из-за тактических или стратегических ошибок [примеры см.: Kebshul, 1994], однако именно контекст предоставляет разным акторам ресурсы и возможности для поведения переворотов. Без определения контекста сложно оценить потенциал акторов и проанализировать невозможность реализации намерений, причем поведение других акторов также становится важным контекстуальным фактором

В 1964 г. С. Файнер объяснял военные перевороты через анализ субъективных и объективных факторов, мотивов и возможностей для военного вмешательства в политику. Он представил четыре возможных сочетания данных факторов: отсутствие вмешательства (когда нет ни мотивов, ни возможностей или когда нет мотивов, но есть возможности), вмешательство (есть оба фактора), неудачное вмешательство (нет возможностей) [цит. по: Brooker, 2000, p. 60]. Мотивами для осуществления переворота могут стать национальные интересы (определяемые в зависимости от ситуации), корпоративные интересы армии, индивидуальные интересы участников и групповые интересы (класса, этноса и пр.) [ibid, p. 62–65]. Препятствовать перевороту могут вера в гражданское правление, страх перед неудачей переворота, нежелание политизации армии и нежелание повторения неудач военного режима [ibid, p. 66–67]. К возможностям Файнер относил отсутствие легитимности, зависимость гражданского правительства от армии и дискредитацию действующего режима (из-за проводимой политики, кор-

рупции и пр.), популярность армии и политическую культуру, принимающую военное правление [Brooker, 2000, p. 66–67, 72].

В отличие от массовых восстаний и гражданских войн для проведения переворота нет необходимости в поиске финансирования, так как организаторы могут использовать подготовленную армию прежнего режима. Однако нелегальный характер военного вмешательства и необходимость нарушения присяги создают главное препятствие для организаторов переворота, которые ставят своих подчиненных перед нелегким выбором между верховным и непосредственным руководством, между субординацией и дисциплиной и сохранением чести армии. Такой выбор подрывает организационное единство и внутреннюю сплоченность армии, а значит, и организационный потенциал для проведения переворота и для управления новым режимом. Высшие ценности для военных – сохранение единства армии и ее эффективность. Любые другие цели (обеспечение территориальной целостности, порядка или свержения диктатора) можно достичь только сплоченным, дисциплинированным фронтом.

Исследователи различают корпоративные и фракционные перевороты, отличия между которыми заключаются в потенциале, но не в методах организации. 80% всех переворотов были фракционными, причем только половина фракционных переворотов были успешными [ibid, p. 67]. При корпоративных переворотах армия действует как единый корпоративный механизм, при фракционных – одна группа армии организует переворот, а вторая принимает решение о поддержке. Это решение моделируется игрой «свидание»¹, при которой наилучшим результатом будут совместные действия или совместное бездействие. Согласно Хантингтону, после прихода к власти организационная группа фрагментируется на маленькие клики, обычно на две широкие фракции умеренных и ради-

¹ Игра «свидание» демонстрирует, что для военных, в первую очередь, важно сохранить единство армии, независимо от совместно принятого решения, оставаться ли в казармах (вернуться ли в казармы) или вмешаться в политику. Для достижения единства необходимы координация и объединение усилий всех фракций. Соответственно, вмешательство армии в политику (переворот) будет тщательно спланировано и проведено в сотрудничестве со всеми основными фракциями. При отсутствии поддержки со стороны других фракций попытки переворотов, организованные другими силами, будут повторяться [Geddes, 1999].

калов (*legalistas* и *gorilas*), и главный раскол заключается по отношению к возвращению власти гражданскому режиму [Huntington, 1968, p. 231].

Процедурный подход позволяет выделить три фазы переворота: подготовительную, организационную (собственно переворот) и распределительную (распределение постов после переворота). Классические работы в области проведения переворотов [Farcau, 1994; Luttwak, 1968] анализировали стратегию и тактику проведения переворотов и поведение акторов на разных этапах. Во время подготовительной фазы небольшая инициативная группа определяет план действий и договаривается об обязанностях в ходе проведения переворота и действиях после переворота (*Trabajos* – работа и *Compromisos* – договоренность [Farcau, 1994]). Организационная фаза включает «пробный шар» (действия одной боевой единицы армии, *Accion*), публичное объявление о перевороте с объяснением цели и призывом к поддержке (*Pronunciamiento* или *Grito*, крик [ibid]) и захват власти. В случае успеха второй фазы наступает третья, в ходе которой формируется новое правительство и назначаются члены новой правящей хунты.

Способ получения власти разрушает основу легитимности нового режима [Collier, Hoeffler, 2005], легитимизируя новые свержения, поэтому перевороты часто порождают контрперевороты, а режимы оказываются в «ловушке переворотов». Хантингтон также говорил, что после первого переворота (независимо от типа: вето-переворота и переворота-прорыва) часто следуют консолидирующие перевороты [Huntington, 1968, p. 231]. Механизм «ловушки» объяснил П. Кольер: «Перевороты уничтожают главный ограничитель для новых переворота (легитимность режима), поэтому общества сползают в черные дыры повторяющихся режимных изменений, спровоцированных армией» [Collier, Hoeffler 2005]. По мнению Лондрегана и Пула, успешный переворот подрывает нормы политической культуры, и требуется долгое время для ее оздоровления [Londregan, Poole, 1990]. Предыдущий опыт переворотов является важным фактором, объясняющим риск переворотов (попытки переворотов, но не успех переворотов) во многих структурных исследованиях [Belkin, Schofer, 2003]. В исследовании О'Кейн тремя основными факторами, препятствующими переворотам, будут небольшой временной интервал после обретения не-

зависимости, отсутствие опыта переворотов и наличие внешней армии на территории [O'Kane, 1981]. При наличии третьего препятствия Люттвак в свое время советовал получить разрешение на переворот от внешних акторов [Luttwak, 1968, p. 32]. Другие барьеры создают независимые институты и развитое гражданское общество [Sharp, Jenkins, 2013].

Перевороты и политические режимы

Авторитарные режимы подвержены риску переворота сильнее, чем демократические. Так, в исследовании Пауэлла и Тайн только 16,9% переворотов произошли в демократиях (странах, имеющих рейтинг Полити выше «плюс 5»), а 44,2% переворотов были организованы в жестких авторитарных режимах (с рейтингом ниже «минус 5») [Powell, Thyne, 2014].

В последней версии базы авторитарных режимов Б. Геддес в период с 1946 по 2010 г. произошло 223 смены авторитарных политических режимов. Согласно Пшеворскому, для смены режима необходимы либо раскол в элите, либо движение «снизу», причем они будут взаимно дополнять друг друга, так как раскол в элите будет стимулировать мобилизацию массовой оппозиции, а движение «снизу» обязательно вызовет раскол в элите. Поэтому «динамика распада режима представляет собой спираль из внутренних расколов и народной мобилизации» [Пшеворский, 2013, с. 426].

В период с 1946 по 2010 г. большинство (35%) изменений авторитарных режимов произошло вследствие¹ военных переворотов. Другие варианты включали проигранные лидером выборы (13%)², ненасильственные протестные действия «снизу» (17%), организованный вооруженный конфликт³ (8%), действия внешних акторов (5%), распад государства (2%) и иные изменения, иници-

¹ Подсчеты автора. Источник: B. Geddes, J. Wright, E. Frantz. *Autocratic Regimes*. Version 1.2.

² В эту категорию не входят случаи, когда военная хунта передавала власть гражданским и партия / группа лидера не участвовала в выборах (14%).

³ Организованный вооруженный конфликт в базе авторитарных режимов включает гражданские войны, революции и другие насильственные акты сопротивления авторитарному режиму.

рованные «сверху» (8%). Именно частота переворотов и других действий инсайдеров режима привела многих исследователей к утверждению, что основные угрозы выживаемости диктатуры исходят от сторонников режима [Geddes, Wright, Frantz, 2014; Svolik, 2012], поэтому главной задачей диктатора является их предотвращение. Исследования потери власти показывают, что нерегулярная потеря власти свойственна, в основном, персоналистским режимам (более 63%) и военным режимам (50%) и монархиям (37%) [Escribà-Folch, 2013, p. 165]. Двумя нерегулярными способами отстранения лидера являются действия инсайдеров (включая перевороты) и действия аутсайдеров (включая массовые протесты и восстания). В исследовании Кендалл-Тейлор в период между 1950 и 2012 гг. 473 авторитарных лидеров потеряли власть, причем переворот был самым частым способом потери власти (153 случая), но только в 20% случаев это привело к демократии [Kendall-Taylor, 2014, p. 35]. Исследования показывают, что режимы, неуязвимые для попыток переворотов, могут не опасаться революций, так как пока лидеры могут сохранить лояльность армии, их революционно настроенные оппоненты не имеют шансов на свержение лидера [Belkin, Schofer, 2003, p. 595].

Количественные исследования демонстрируют, что военные режимы обычно приходят на смену демократиям, многопартийным авторитарным режимам или анархии [Magaloni, Kricheli 2010, p. 130–131]. В исследовании М. Сволика армия организовала 86% переворотов, приведших к власти новых лидеров, и 59% военных лидеров пришли к власти через переворот [Svolik. 2012, ch. 11].

Каждый тип авторитарного режима имеет свою логику выживания и отличительную внутреннюю динамику, поэтому каждому более свойственны разные альтернативы смены лидера и режима. В базе Б. Геддес только 19% переворотов, сменивших политический режим, произошло в военных режимах, по сравнению с 27% переворотов в однопартийных режимах и 51% в персоналистских режимах¹. В исследовании Магалони армия представляет большую угрозу как для гражданских диктатур (28% гражданских диктатур сменились военными), так и для демократий (в 67% случаях демократии распались из-за действий военных) [Magaloni, 2010].

¹ В данную категорию включены монархии.

В персоналистских режимах лидер контролирует свою клику, армию, аппарат безопасности и всегда, даже превентивно, может наказывать за нелояльность режиму, поэтому в таких режимах редко (30% по базе Геддес) осуществляются успешные перевороты. Однако персоналистский режим обычно распадается после смерти лидера вследствие слабой институционализации и сосредоточенности на личности лидера, поэтому большинство смен режимов после переворотов и произошло в таких режимах, на смену персоналистскому приходили военные режимы.

Однопартийные и военные режимы лучше институционализированы, поэтому успешные перевороты только меняют лидера, но сохраняют действующий порядок. Если на смену одному авторитарному режиму приходит другой авторитарный режим, то избежать наказания могут 49% военных лидеров, 60% однопартийных, так как, в отличие от персоналистских режимов, у них есть институты, «защищающие интересы уходящих диктаторов» [Escribà-Folch, 2013, p. 176].

В однопартийных режимах власть сконцентрирована не в руках лидера, а у партийной элиты, и хотя лидер является первым среди равных во властной пирамиде, абсолютной власти у него нет. Однопартийные режимы не только ограничивают власть лидера, но и легко решают проблемы преемственности власти внутри партии. Поэтому перевороты (40% однопартийных режимов пережили перевороты) приводят к власти либо другую партию, либо другую этническую группу в лице армии.

По мнению Б. Геддес, «военные режимы несут в себе источник своего разрушения» [Geddes, 1999, p. 131], и «перевороты в военных режимах – обычные смены лидерства, аналогичные вотумам недоверия» [Geddes, 2003, p. 66]. Практически в 50% случаев одни военные лидеры свергаются другими [Gandhi, Przeworski, 2007, p. 1289], причем только 20% переворотов в базе Геддес привели к смене политического режима. Самую большую угрозу для лидера военного режима представляют другие военные лидеры, обладающие возможностями организовать новый переворот. В базе 738 лидеров из 139 стран М. Сволика (1946–2002) перевороты ответственны за 28% смен лидеров (291 приход к власти и 224 потери власти) [Svolik, 2012, ch. 11]. Исследователи латиноамериканских военных режимов говорят о чрезмерной политиза-

ции армии, ведущей к циркуляции военных режимов, гражданских режимов и переворотов. У Дикса 70% латиноамериканских военных, передавших власть гражданским в период с 1951 по 1965 г., через небольшой промежуток времени (в среднем через шесть лет) вернулись к власти [Dix, 1994].

Перевороты и демократия

Большинство исследователей согласны с тем, что перевороты являются недемократическим инструментом, и три из четырех распадов демократии в период с 1960 по 2001 г. произошли после успешного переворота [Marinov, 2012]¹. Некоторые исследователи распадов демократии винят в этом демократические институты: президентство и многопартийность. Согласно С. Хантингтону, модернизирующиеся страны с многопартийными системами более склонны к военным переворотам, чем страны с доминирующей партией. По его мнению, «однопартийная система не является гарантией от переворота, но многопартийная точно приведет к перевороту» [Huntington, 1968, p. 422]. Люттвак в качестве причины переворотов также указывал на «хроническую нестабильность при многопартийной демократии» [Luttwak, 1968, p. 17]. Исследователи многопартийной президентской демократии указывают на специфические черты президентских систем (фиксированные сроки полномочий президента и парламента и разделение властей, выражающееся в отсутствии у парламента – права выражать недоверие правительству, а у президента права роспуска парламента), которые делают кризисы между двумя ветвями власти неразрешимыми и создают ситуации взаимоблокирования, многие из которых разрешались неконституционным путем переворотов и автопереворотов. Исследование Степана и Скач подтвердили большую подверженность президентских демократий переворотам (40%) по сравнению с парламентскими (12%) [Stepan, Skach, 1993, p. 12]. Согласно исследованию Кенни, демократии с разделенным правлением (прави-

¹ В базе Н. Маринова 233 случая переворотов в период с 1960 по 2004 г. В понятие «переворот» авторы включают все нерегулярные смены лидеров, например, свержение лидеров любыми внутренними вооруженными группами и смену власти внутри военной хунты.

тельство меньшинства) более подвержены распаду: из 13 случаев распада президентской демократии (четыре раза – по воле президентов и девять раз – в результате переворотов) только в двух случаях распада президент обладал поддержкой парламентского большинства [Kenney, 2000]. Л. Киршке показала, что полупрезидентские системы не спасают лидеров от переворотов: перевороты произошли в 83% полупрезидентских систем и только 25% президентских систем суб-Сахарного региона [Kirschke, 2007].

В исследовании Асемоглу авторитарные режимы, создающие сильные армии, скорее перейдут в разряд военных диктатур после транзита к демократии, так как армия может провести успешный переворот против новой демократии. Причем в этом случае переворот является превентивной мерой, чтобы избежать неизбежного при демократии реформирования армии [Acemoglu, 2008].

Только 10% успешных переворотов привели к демократии, но ситуация изменилась после окончания «холодной войны». Из всех переворотов, осуществленных до 1990 г., только 6% привели к демократии, в то время как в период с 1990 по 2012 г. 30% переворотов завершились демократическим транзитом, при этом в 50% случаев авторитарный режим сохранился [Kendall-Taylor, p. 42]. Для сравнения: 85% случаев смещения диктатуры в результате массовых протестов приводят к демократии [Kendall-Taylor, p. 41]¹, поэтому многие политологи говорят о долгосрочных перспективах демократизации «снизу».

В военных режимах демократические транзиты могут начинаться после внутренних разногласий и расколов и имеют больше шансов на успех, особенно при повторной демократизации. В исследовании Б. Геддес из всех авторитарных режимов больше всего шансов на демократизацию имеют военные режимы: демократизация начинается в 62% военных режимов, в 45% режимов с доминирующей партией, в 36% персоналистских режимов [Geddes, 2014 a, p. 158]. Э. Нордлингер выделял три возможных пути перехода военных режимов к гражданскому правлению: добровольный путь, который может сопровождаться давлением со стороны фрак-

¹ В период с 1950 по 2012 г. оппозиционные восстания привели к свержению только 7% лидеров. В 2010–2012 гг. четверть диктатур распались под давлением снизу [Kendall-Taylor, 2014, p. 41].

ций в армии и со стороны граждан, контрпереворот и свержение под давлением масс. Контрпереворот, по его мнению, в дальнейшем также приводит к добровольной отставке, а свержение «снизу» становится возможным только при отсутствии единства армии [цит. по: Brooker, 2000, p. 194].

Армия по природе своей всегда готова «вернуться в казармы», поэтому при условии получения определенных гарантий безопасности и амнистии можно осуществить пактированный транзит к демократии. При насильственном свержении режима сложно получить гарантии амнистии за совершенные военным режимом преступления против человечности и сохранить честь, достоинство и единство армии. Именно предпочтения военных объясняют наименьшую среднюю продолжительность существования военных режимов по сравнению с недемократическими режимами другого типа и оптимальный путь транзита [Geddes, 1999]. Военные режимы могут согласиться на передачу власти гражданскому правлению и на демократизацию в случае получения гарантий соблюдения их корпоративных интересов (единство и честь армии) и отсутствия преследования за преступления. Учитывая, что такие гарантии легче получить, если военный режим сам начинает переход к демократии, оптимальными моделями для транзита являются трансформация (сверху) и трансмена (с двух сторон). Наименее желательная с точки зрения военных лидеров модель замены (снизу) возможна в случае, когда неэффективный военный с расколотой элитой режим не предпринимает шагов в сторону демократии и противостоит широкой антирежимной мобилизации масс или проигрывает войну. Результаты изменений военных режимов: 33% изменений привели к демократии, 27 – к режимам с доминирующими партиями, 8% – к однопартийным режимам [Magaloni, Kricheli, 2010, p. 130–131]. В базе Геддес 94% режимов, организовавших выборы, в которых члены режима не участвовали, были военными.

Пауэлл и Тайн обнаружили, что в период с 1950 по 2008 г. через несколько лет после успешных и неуспешных переворотов уровень демократии (по индексу Полити) либо возвращался к такому же уровню, который был до переворота, либо даже к лучшему, и делают вывод, что перевороты, возможно, являются катализаторами демократизации или, по крайней мере, не ухудшают степень авторитаризма [Powell, Thyne, 2014]. Авторы показали, что

влияние попыток переворота на демократизацию наиболее сильное и значимое в сильных авторитарных режимах (до минус 2,5 по индексу Полити) и в режимах, лидер которых продержался у власти минимум восемь лет [Powell, Thyne, 2014]. В их исследовании успешные и неуспешные перевороты способствуют демократизации, так как атака на режим со стороны элиты, даже неуспешная, является тревожным сигналом для лидера, в то время как атака на режим со стороны рядовых граждан может быть приравнена к хулиганству [ibid].

* * *

С каждым годом сокращается число успешных попыток переворота, все меньше становится военных режимов, и все большее число диктатур распадается вследствие оппозиционных движений «снизу». По мнению Шарпа и Дженкинса, «уменьшение числа переворотов может быть краткосрочным, и страны, в которых много лет не было переворотов, могут снова стать уязвимыми» [Sharp, Jenkins, 2013].

Перевороты изучались в рамках структурного, процедурного, институционального подходов, проведено огромное число количественных и качественных исследований, однако исследователи переворотов так и не определились в своем отношении к переворотам. В 2008 г. известный экономист П. Кольер написал, что действительно плохое правление легче изменить через переворот, чем через выборы, и призвал к поощрению переворотов, так как настоящая мощь, необходимая для свержения диктатора, заключается в его силовых структурах. «Наша главная задача – развернуть эти силы против тех, кого они защищают», – призвал Кольер [Collier, 2008]. «Хороший переворот – это миф», – считает Миллер, исследовавший примеры суб-Сахарного региона [Miller, 2011]. Дискуссия о «хороших» и «плохих» переворотах продолжается, так как исследователи связывают два независимых процесса – распад диктатуры и переход к демократии.

Профессор Гарвардского университета Варол называет переворот демократическим, когда после широкой общественной оппозиции режиму армия осуществляет переворот с целью свержения лидера, а не захвата власти, после чего передает власть гражданам

ским [Varol, 2012, p. 295]. Такие перевороты начинают смещаться в сторону восстаний, в которых военные усиливают сторону народа. Может ли это стать новым трендом? Как показывает исторический опыт, революции не гарантируют переход к демократии и лучшему правлению. Распад режима представляет собой двуединство раскола в элите и массовой оппозиции. Если ранее раскол в элите часто проявлялся через попытки переворотов, то сейчас необходимо понять, какие новые стратегии свержения диктатора «сверху» придут на смену переворотам в ближайшем будущем.

Список литературы

- Пшеворский А.* Политический институт и политический порядок // Демократия в российском зеркале / Под ред. А. Пшеворского, А. Миграняна. – М.: МГИМО, 2013. – С. 398–428.
- Acemoglu D., Ticchi D., Vindigni A.* A Theory of military dictatorships / Institute for the Study of Labor. – 2008. – N 3392. – [Из личного архива автора].
- Arugay A.* From probable to possible: Explaining coups through qualitative comparative analysis. Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, – Seattle, WA, 2011. – 1–4 September. – [Из личного архива автора].
- Belkin A., Schofer E.* Toward a structural understanding of coup risk // Journal of conflict resolution. – 2003. – Vol. 47, N 5. – P. 594–620.
- Brooker P.* Non-Democratic regimes. Theory, government and politics. – New York: St. Martin's press, 2000.
- Bueno de Mesquita B., Smith A.* Leader survival, revolutions, and the nature of government finance // American journal of political science. – 2010. – Vol. 54, N 4. – P. 936–950.
- Bueno de Mesquita B., Smith A.* Political survival and endogenous institutional change // Comparative political studies. – 2009. – Vol. 42, N 2. – P. 167–197.
- Bunce V., Wolchik S.* Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries. – Cambridge, UK: Cambridge univ. press, 2011. – 386 p.
- Cheibub, J.A., Gandhi J., Vreeland J.R.* Democracy and dictatorship revisited // Public choice. – 2010. – Vol. 143. – P. 67–101.
- Collier P.* Let us now praise coups // Washington post. – 2008. – June 22. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/19/AR2008061901429.html> (Дата посещения: 08.01.2015.)
- Collier P., Hoeffler A.* Coup traps: Why does Africa have so many coups d'etat? // Working paper. 2005 / Centre for the study of african economies. Department of economics. – Oxford: Oxford univ. press, 2005. – P. 154–178.
- Collier P.* Greed and grievance in civil war. // Oxford economic papers. – 2004. – N 56. – P. 563–595.

- Dix R.H.* Military coups and military rule in Latin America // *Armed forces and society*. – 1994. – Vol. 20, N 3. – P. 439–456.
- Escribà-Folch A.* Accountable for what? Regime types, performance, and the fate of outgoing dictators, 1946–2004 // *Democratization*. – 2013. – Vol. 20, N 1. – P. 160–185.
- Farcau B.W.* *The Coup: tactics in the seizure of power*. – Westport: Praeger, 1994. – 226 p.
- Gandhi J., Przeworski A.* Authoritarian institutions and the survival of autocrats // *Comparative political studies*. – 2007. – Vol. 40, N 11. – P. 1279–1301.
- Geddes B., Wright J.B., Frantz E.* Autocratic breakdown and regime transitions // *Perspectives on Politics*. – 2014. – Vol. 12, N 1. – [Из личного архива автора].
- Geddes B., Wright J.B., Frantz E.* Military rule // *Annual review political sciences* – 2014 a. – Vol. 17. – P. 147–162.
- Geddes B.* Paradigms and sand castles: Theory building and research design in comparative Politics. – Ann Arbor, MI: Michigan univ. press, 2003. – 314 p.
- Geddes B.* What do we know about democratization after twenty years? // *Annual review political sciences* – 1999. – N 2. – P. 115–144.
- Huntington S.* *Political order in changing societies*. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1968. – 488 p.
- Huntington S.* *The third wave: Democratization in the late 20 th century*. – Norman, OK: Oklahoma univ. press. – 1991. – 384 p.
- Kebshul H.G.* Operation «Just missed»: Lessons from failed coup attempts. // *Armed forces and society*. – 1994. – Vol. 20, N 4. – P. 565–579.
- Kendall–Taylor A., Frantz E.* How autocracies fall // *The Washington quarterly*. – 2014. – Vol. 37, N 1. – P. 35–47.
- Kenney C.D.* Reflections on horizontal accountability: Democratic legitimacy, majority parties and democratic stability in Latin America // *Institutions, accountability and democratic governance in Latin America*. – 2000. – 42 p.
- King G., Zeng L.* Logistic regression in rare events data. // *Political analysis*. – 2001. – Vol. 9, N 2. – P. 136–162. – Mode of access: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:4125045> (Дата посещения: 8.01.2015.)
- Kirschke L.* Semipresidentialism and the perils of power-sharing in neopatrimonial states // *Comparative political studies*. – 2007. – Vol. 40. – N 11. – P. 1372–1394.
- Londregan J.B., Poole K.* Poverty, The coup trap, and the seizure of executive power. // *World politics*. – 1990. – Vol. 42. – P. 151–183.
- Luttwak E.* *Coup d'état: A practical handbook*. – New York: Alfred A. Knopf, 1968. – 234 p.
- Magaloni B.* The Game of electoral fraud and the ousting of authoritarian rule // *American journal of political science*. – 2010. – Vol. 54, N 3. – P. 751–765.
- Magaloni B., Kricheli R.* Political order and one-party rule // *Annual review political sciences* – 2010. – N 13. – P. 123–43.
- Mahoney J., Goertz G.* The possibility principle: Choosing negative cases in comparative research // *American political science review*. – 2004. – Vol. 98, N 4. – P. 653–669.
- Marinov N., Goemans H.* Coups and democracy // *Nikolay Marinov*. – 2012. – [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.nikolaymarinov.com/wp-content/files/GoemansMarinovCoup.pdf> (Дата посещения: 6.01.2015.)

- Marshall M.G., Marshall D.R.* Coup d'état events, 1946–2013. Codebook // Center for systemic peace [Электронный ресурс]. – 2013. – Mode of access: <http://www.systemicpeace.org/> (Дата посещения: 05.01.2015.)
- McGowan P., Johnson Th.* African military coups d'état and underdevelopment: A quantitative historical analysis // *The journal of modern African studies*. – 2003. – Vol. 47. – P. 594–620.
- McGowan P.J.* Coups and conflict in West Africa, 1955–2004. Part I. Theoretical perspectives // *Armed forces & society*. – 2005. – Vol. 32, N 1. – P. 5–23.
- Miller A.C.* Debunking the myth of the «good» coup d'état in Africa // *African studies quarterly*. – 2011. – Vol. 12, N 2. – P. 45–69.
- Muller E.N., Seligson M.A.* Inequality and insurgency // *American political science review*. – 1987. – Vol. 81, N 2. – P. 425–451.
- Nordvik F.M.* Does oil promote or prevent coup d'état? Working paper. – 2014. – May 16. – [Из личного архива автора].
- O'Donnell G., Schmitter P.C.* Transitions from authoritarianism. Tentative conclusions about uncertain democracies. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1986. – 81 p.
- Ohl D., Finkel E.* Coups and military ranks. Working paper.–2013. – November. – [Из личного архива автора].
- O'Kane, R.* Probabilistic approach to the causes of coups d'état // *British journal of political science*. – London, 1981. – Vol. 11, N 3. – P. 287–306.
- Powell J.M., Thyne C.L.* Coup d'état or coup d'autocracy? How coups impact democratization, 1950–2008 // *Foreign policy analysis*. – [2015]. – (В печати.)
- Powell J.M., Thyne C.L.* Global instances of coups from 1950 to 2010 // *Journal of peace Research*. – 2011. – Vol. 48, N 2. – P. 249–259.
- Ross M.* Does oil hinder democracy? // *World politics*. – 2001. – Vol. 53. – P. 325–361.
- Sharp G., Jenkins B.* Anti-coup // *Albert Einstein Institution*. – Boston, 2013. – Mode of access: <http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/09/TAC-1.pdf> (Дата посещения: 06.01.2015.)
- Stepan A., Skach C.* Constitutional frameworks and democratic consolidation: Parliamentarism versus presidentialism // *World politics*. – 1993. – Vol. 46. – P. 1–22.
- Sutter D.* A Game-theoretic model of the coup d'état // *Economics and politics*. – 2000. – Vol. 12, N 2. – P. 205–223.
- Svolik M.* Contracting on violence: Authoritarian repression and military intervention in politics. 2012. – [Из личного архива автора].
- Thompson W.R.* Corporate coup-maker grievances and types of regime targets // *Comparative political studies*. – 1980. – N 12. – P. 485–496.
- Varol O.* The democratic coup d'état // *Harvard international law journal*. – 2012. – Vol. 53, N 2. – P. 292–356.
- Wintrobe R.* Autocracy and coups d'état // *Public choice*. – 2012. – Vol. 152, N 1–2. – P. 115–130.
- Zimmermann E.* Toward a causal model of military coups d'état // *Armed forces & society*. – 1979. – N 5. – P. 387–413.